

АБДУЛХАННЯНОВА Яна Максимовна,
адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: ykhalezova@bk.ru

Научный руководитель:
КУЗНЕЦОВ Александр Павлович,
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ,
e-mail: mail@law-books.ru

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ» В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В представленной статье актуализируется значимость толкования оценочных понятий в соответствии с «духом» уголовного закона, обращается внимание на историческую обусловленность и преемственность некоторых из них и роль исторической интерпретации оценочных понятий для современного уголовного права. На примере оценочных категорий «общественный и государственный деятель» прослеживается эволюция их содержания в советском уголовном законодательстве, делается вывод о необходимости разработки научно-обоснованных критериев толкования оценочных понятий.

Ключевые слова: советское уголовное законодательство, оценочное понятие, конкретизация, представитель советской власти, государственный деятель, общественный деятель, представитель иностранного государства.

ABDULKHANNYANOVA Yana Maksimovna,
Associate Professor Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Scientific supervisor:
KUZNETSOV Alexander Pavlovich,
Dr. Jurid. Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Scientist of the Russian Federation

EVALUATIVE CONCEPTS OF “PUBLIC AND STATESMAN” IN THE HISTORY OF SOVIET CRIMINAL LAW

Annotation. The presented article highlights the importance of interpreting evaluative concepts in accordance with the “spirit” of criminal law, draws attention to the historical conditionality and continuity of some of them and the role of historical interpretation of evaluative concepts for modern criminal law. Using the example of the evaluative categories “public and statesman”, the evolution of their content in Soviet criminal legislation is traced, and it is concluded that it is necessary to develop scientifically based criteria for the interpretation of evaluative concepts.

Key words: Soviet criminal legislation, evaluative concept, specification, representative of the Soviet government, statesman, public figure, representative of a foreign state.

Проводимая Российской Федерацией специальная военная операция обусловила повышенное внимание к совершенствованию

практики толкования и применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против основ кон-

ституционного строя и безопасности государства. Материалы судебной практики и данные из открытых источников свидетельствуют о том, что положения главы 29 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) активно реализуются в отношении лиц, нацеленных на подрыв российской государственности. Отличительной особенностью названной главы УК РФ является то, что содержащиеся в ней составы преступлений изобилуют оценочными понятиями. Под ними в доктрине уголовного права понимаются не определенные законодателем и конкретизируемые непосредственно при применении уголовного закона положения [1, с. 63]; нормы, содержание которых определяется правосознанием лица, толкующего и применяющего их с учетом конкретных обстоятельств дела [2, с. 97].

Интерпретация оценочных понятий, в том числе в составах преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, вызывает в доктрине и практике оживленные дискуссии. Специалисты пытаются сформулировать универсальные правила и критерии, на которых должно базироваться их толкование и предлагают алгоритмы конкретизации таких понятий. Мы полагаем, что большое значение для правильного уяснения сущности оценочного понятия является рассмотрение истории его становления и толкования в разные годы существования. Понимание того, как то или иное оценочное понятие применялось в ранее действовавшем законодательстве, является ключом к «расшифровке» политической воли нормотворческих органов в гармонии с «духом» уголовного закона и способствует его более рациональной интерпретации в современный период. К числу таких оценочных понятий, имеющих длительную историю своего существования и повлиявших на содержание современного УК РФ, относится категория «общественный деятель» и «государственный деятель».

В советском кодифицированном уголовном законодательстве в норме о террористическом акте предусматривалась ответственность за посягательство на жизнь лица, которое обладало государственным и общественным авторитетом. В разное время фигура потерпевшего в этой норме обозначалась по-разному, но всегда носила оценочный характер.

В ст. 64 УК РСФСР 1922 года говорилось о представителе Советской власти и деятеле революционных рабоче-крестьянских организаций, впоследствии они нашли свое отражение в ст. 588 УК РСФСР 1926 года. В обозначенное время многие положения уголовного законодательства носили декларативно-идеологический характер и трактовались крайне широко, включая и рассматриваемые категории. В связи с этим, со време-

нем стали появляться конкретизирующие документы, вносящие большую ясность в понимание круга потерпевших. Так, Верховный Суд РСФСР в одном из своих решений указал на то, что убийство корреспондентов рабочей и крестьянской печати (рабкоров, селькоров, военкоров и др.), совершенное в связи с их профессиональной деятельностью должно квалифицироваться по ст. 588 как убийство деятеля революционной рабоче-крестьянской организации. Это объяснялось на страницах Советской печати той большой ролью, которую играет их деятельность в деле сохранения революционной законности и искоренения всяких видов преступности своей изобличающей и просветительской активностью.

В Циркуляре НКЮ № 193 от 11 ноября 1924 года говорилось о том, что если корреспондент принадлежит, например, к Коминтерну, Компартии, профсоюзу, к членам совета, к крестьянскому комитету взаимопомощи и т.п., то он может признаваться членом рабочей-крестьянской организации. В более позднем Циркуляре НКЮ от 1929 года к ним также были причислены учителя-общественники, если их убийство (или покушение на него) были predetermined желанием кулацких элементов противодействовать культурной и общественно-политической деятельности учительства [3, с. 58-59]. Постановлениями Пленума Верховного Суда РСФСР и Циркулярами НКЮ к потерпевшим по ст. 588 УК РСФСР 1926 года впоследствии были отнесены члены комиссий содействия проведению хлебозаготовок, ударники труда и стахановцы, участники легкой кавалерии и пионеры, осуществляющие общественную работу. В научной литературе тех лет высказывалась мысль о применении аналогии и признании потерпевшим по рассматриваемой норме также и дипломатических представителей буржуазных государств, аккредитованных при советском правительстве, а также членов их семей и близких лиц [3, с. 59].

Нельзя согласиться с мнением, что потерпевшим могли выступать все революционные деятели – сторонники Советской власти, как на то указывали отдельные авторы [4, с. 128]. Такой подход необоснованно расширяет пределы действия этой нормы, делая ее содержание «каучуковой».

Толкование обозначенных оценочных понятий основывалось на общем понятии контрреволюционного преступления, в основании которого лежала субъективная сторона, в частности контрреволюционная цель совершаемого деяния. Если она устанавливалась, то действия лица могли квалифицироваться по определенной статье о контрреволюционном преступлении и для того, чтобы минимизировать возможности подозреваемого (или шире – стороны защиты) зата-

нуть процесс привлечения к ответственности или вовсе ее избежать, зацепившись за точные казуистические формулировки и применялись оценочные понятия.

Одновременно с этим следует заметить, что, начиная с середины 1920-х годов появляются отдельные разъяснения и рекомендации Верховного Суда РСФСР и НКЮ по толкованию заявленных оценочных понятий в целях их единообразного применения. Это демонстрирует желание государства обеспечить принцип законности [11, с. 16] и предотвратить факты необоснованного применения аналогии в уголовно-правовом регулировании.

В позднее принятом УК РСФСР 1960 года содержание круга потерпевших в террористическом акте, как-то государственный или общественный деятель и представитель власти оставалось не вполне определенным. Под государственным деятелем, по смыслу ст. 66 рассматриваемого уголовного закона понимались лица, занимающие руководящие посты в советском государственном аппарате в административной, хозяйственной, культурной или иной области (министры Союза ССР, союзных и автономных республик, председатели государственных комитетов) [5, с. 44]. С.В. Дьяков, А.А. Игнатьев и М.П. Карпушин считают, что государственный деятель не обязательно должен занимать высокое положение, главный критерий отнесения – осуществление активной деятельности на своем посту [6, с. 48]. П.С. Матышевский в своих размышлениях отождествляет государственных и общественных деятелей, давая их синтетическое определение [7, с. 39].

Обобщая вышеизложенное, можно заметить, что в научной литературе тех лет в числе государственных деятелей называли как рядовых инициативных работников, так и руководителей целых государственных органов и их подразделений. Глубоко прав в этом вопросе Е.А. Смирнов, предложивший условные критерии, на которые должен опираться правоприменитель при решении вопроса о том, является ли потерпевший государственным деятелем. Во-первых, замечает он, государственный деятель – это всегда должностное лицо; во-вторых, он осуществляет свою деятельность в масштабе всего государства или союзной / автономной республики; в-третьих, он играет значительную, лидерскую социальную роль [8, с. 112].

Фигура общественного деятеля напрямую связывалась с участием лица в деятельности коммунистической партии и подведомственных ей организаций. Кроме того, к ним относили тех, кто ведет борьбу за мир и активно содействует проведению политики партии и правительства

(руководитель профсоюзной организации) [5, с. 44]. Отдельные авторы относили к ним и лиц, добровольно осуществляющих охрану общественного порядка – народных дружинников, членов товарищеских судов и бригад содействия милиции [9, с. 111].

При описании потерпевшего в виде представителя власти обращалось внимание на осуществление им функций органов государственной власти. В числе таковых назывались депутаты и судьи различного уровня, прокуроры, работники милиции и т.д. (отдельными авторами, по непонятной причине, к правоохранительному блоку представителей власти относились только оперативные работники МВД и КГБ [5, с. 44]). Помимо этого, высказывались мнения (актуальные и сегодня) о том, что представителем власти является любое лицо, способное легитимно применять меры принудительного воздействия в отношении неподчиненных лиц [9, с. 111].

Ст. 67 УК РСФСР 1960 года наказывала за аналогичные действия, совершенные в отношении представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений. Закономерные сложности вызывало установление содержательных границ оценочного понятия «представитель иностранного государства». Ученые существенно расходились в понимании этой категории. Например, указывалось, что представитель иностранного государства – это иностранный политический или общественный деятель (их руководители, члены правительства или парламента, постоянно или временно находящиеся на территории СССР аккредитованные дипломатические работники, главы и члены делегаций, прибывших с официальным визитом), а также любое другое лицо, находящееся в СССР по поручению иностранного правительства (работник культуры, науки, искусства и т.п.) [10, с. 163; 11, с. 50]. Р.Р. Галиакбаров специально оговаривал, что приверженцы деловых кругов, корреспонденты, ученые и писатели иностранных государств не являются потерпевшими по ст. 67 УК РСФСР 1960 года [12, с. 41]. В.Д. Меньшагин и Б.А. Куринов относили к таковым любого иностранного гражданина [13, с. 122], с чем категорически не соглашался Г.З. Анашкин [14, с. 125]. М.В. Турецкий, напротив, называл представителем иностранного государства только лиц, реализующих государственные (в частности, дипломатические) функции [15, с. 56], исключая из перечня потерпевших иностранных общественных деятелей.

Отдельными авторами высказывалась позиция о том, что к ним нельзя относить представителей иностранного социалистического государства [5, с. 49]. По их мнению, посягательство на жизнь последних должно расцениваться как тер-

рористический акт против советского государственного или общественного деятеля, то есть по ранее рассмотренной статье 66 УК РСФСР 1960 года [5, с. 49; 9, с. 102], с чем тяжело согласиться. Более импонирует в этом аспекте позиция, согласно которой потерпевшим по ст. 67 могли выступать представители любого (как капиталистического враждебного, так и социалистического дружественного) государства.

Таким образом, можно заметить, что круг потерпевших, предусмотренных ст. 277 УК РФ исторически обусловлен и в советском уголовном законодательстве всегда носил оценочный, исчерпывающе неопределенный характер. Это детерминировало принятие Верховным Судом и НКЮ конкретизирующих документов, более подробно описывающих фигуру общественного и государственного деятеля, что, однако, не устраняло всех дискуссий по поводу их толкования. На наш взгляд, ключевым фактором унифицированного понимания обозначенных оценочных понятий в современный период должна стать праворазъяснительная деятельность Пленума Верховного Суда РФ и теоретико-доктринальная разработка критериев, на которые должны опираться лица, интерпретирующие их [оценочные понятия].

Список литературы:

- [1] Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М.: Юрид. лит., 1967. 240 с.
- [2] Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм: (По материалам следств. и прокурорско-судебной практики) : учеб. пособие / Высш. следств. школа МВД СССР. Волгоград, 1973. 176 с.
- [3] Государственные преступления / А.А. Герцензон, В.Д. Меньшагин, Б.С. Ошерович, А.А. Пионтковский. Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 160 с.
- [4] Уголовный кодекс редакции 1926 г. / Комментарий под общ. ред. Е.Г. Ширвиндта; А.Б. Вроблевский, Б.С. Утевский. Москва: Нар. ком. внутр. дел., 1927. 431 с.
- [5] Государственные преступления: учебное пособие по советскому уголовному праву / под ред. М.И. Якубовича, В.А. Владимирова. Москва: Гос. изд-во «Высшая школа», 1961. 228 с.
- [6] Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М.П. Ответственность за государственные преступления / общ ред. и введение Л.И. Баркова. М.: Юрид. лит., 1988. 222 с.
- [7] Советское уголовное право. Часть Особенная. Вып. 1. Харьков, 1962. 135 с.
- [8] Смирнов Е.А. Особо опасные государственные преступления: вопросы квалификации в связи с применением уголовно-правовой нормы / М-во внутр. дел СССР. Киев: Киев. высш. школа, 1974. 180 с.

[9] Курс советского уголовного права. Т. IV: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. Часть особенная / авт. заслуж. деят. науки РСФСР, чл.-кор. АН СССР А.А. Пионтковский и засл. деят. науки РСФСР В.Д. Меньшагин, 1970. 432 с.

[10] Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. М.: Юридическая литература, 1971. 559 с.

[11] Самигуллин, В. К. Современное состояние служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел (опыт общетеоретического осмысления) // Право и государственность. 2025. № 4(9). С. 14-21.

[12] Советское уголовное право. Часть Особенная: учебник для юрид. ин-тов и фак. / под ред. заслуж. деятеля науки РСФСР проф. В.Д. Меньшагина. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 448 с.

[13] Советское уголовное право: часть Особенная: учебник / под ред. М.И. Ковалева. М.: Юрид. лит., 1983. 479 с.

[14] Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М.: Госюриздат, 1960. 71 с.

[15] Анашкин Г.З. Об ответственности за преступное посягательство на представителя иностранного государства // Советское государство и право. 1962. № 4. С. 121-126.

[16] Турецкий М.В. Особо опасные государственные преступления. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 89 с.

References:

- [1] Brainin Y.M. Criminal Law and its application. M.: Jurid. lit., 1967. 240 s.
- [2] A.V. Naumov. Application of criminal law norms: (Based on the materials of the investigation. and prosecutorial and judicial practice): study. allowance/Higher. consequences. school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd, 1973. 176 s.
- [3] State crimes/A.A. Herzenson, V.D. Mentshagin, B.S. Osherovich, A.A. Piontkovsky. Moscow: Legal publishing house of the NKYU of the USSR, 1938. 160 s.
- [4] Criminal Code of 1926 edition/Commentary under the general. ed. E.G. Shirvindt; A.B. Wroblevsky, B.S. Utevsky. Moscow: Nar. com. int. affairs., 1927. 431 pp.
- [5] State crimes: a textbook on Soviet criminal law/ed. M.I. Yakubovich, V.A. Vladimirova. Moscow: State. Publishing House "Higher School," 1961. 228 pp.

[6] Dyakov S.V., Ignatiev A.A., Karpushin M.P. Responsibility for state crimes/general ed. And the introduction of L.I. Barkov. M.: Jurid. lit., 1988. 222 pp.

[7] Soviet criminal law. Part Special. No. 1. Kharkov, 1962. 135 pp.

[8] Smirnov E.A. Particularly dangerous state crimes: qualification issues in connection with the application of the criminal law/Internal affairs of the USSR. Kyiv: Kyiv. high. school, 1974. 180 s.

[9] Course of Soviet criminal law. T. IV: State crimes and crimes against socialist property. Part special/aut. †. deyat. Sciences of the RSFSR, Corresponding Member Academy of Sciences of the USSR A.A. Piontkovsky and Merit. deyat. Sciences of the RSFSR V.D. Menshagin, 1970. 432 p.

[10] Commentary on the Criminal Code of the RSFSR/All-Union. Institute for the Study of Causes and Development. crime prevention measures. M.: Legal literature, 1971. 559 pp.

[11] Samigullin, V. K. The current state of official discipline and legality in the internal affairs bodies (experience of general theoretical understanding)// Law and statehood. 2025. № 4(9). S. 14-21.

[12] Soviet criminal law. Part Special: a textbook for jurids. Institute and Fak ./Ed. | . scientist of the RSFSR prof. V.D. Menshagina. Moscow: Publishing House Mosk. University, 1964. 448 p.

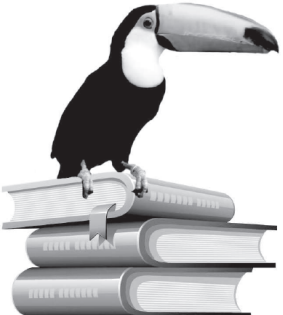
[13] Soviet criminal law: part Special: textbook/ ed. M.I. Kovalev. M.: Jurid. lit., 1983. 479 p.

[14] Scientific and practical commentary on the Law on Criminal Liability for State Crimes. M.: Gosyurizdat, 1960. 71 pp.

[15] Anashkin G.Z. On responsibility for criminal encroachment on a representative of a foreign state//Soviet state and law. 1962. № 4. S. 121-126.

[16] Turkish M.V. Especially dangerous state crimes. Moscow: Publishing House Mosk. University, 1965. 89 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.